

Цю Хэнянь ушел вот так, даже не объяснившись.

Цин Янь долгое время сидел на кровати, все пытаясь понять, что же только что произошло. Он снова и снова прокручивал в голове свои действия, вспоминал, как его лицо заливалось краской, а пальцы инстинктивно сжимались, но так и не нашел ничего предосудительного.

Думая об этом, Цин Янь начал подозревать, что, возможно, сам оказался слишком прямолинеен. В конце концов, он – человек, двадцать лет поглощавший современные информационные потоки и считающий себя «мыслительным гигантом». То, что он воспринял как вполне нормальное для супружеской пары проявление интимной близости, для Цю Хэняня, человека древнего времени, могло показаться совершенно неприемлемым.

В этом времени превыше всего ценились сдержанность, благородство и стыдливость в отношениях между супругами. Люди стремились быть утонченными, соблюдали нормы приличия и избегали излишеств. Возможно, то, что сделал Цин Янь, показалось Цю Хэняню недостаточно изысканным... или даже чересчур... распущенным?

Эти мысли заставили его застыть в растерянности. Просидев так некоторое время, он почти бессознательно начал ерошить свои волосы, доведя их до полного беспорядка. Когда он, наконец, пришел в себя, за окном уже садилось солнце, а в доме становилось темно.

Цин Янь внезапно осознал, что в комнате стало холодно – он совершенно забыл о печи, и огонь давно погас. Он поспешно обулся, спустился с кровати и направился на кухню, чтобы развести новый огонь.

Время для приготовления ужина уже прошло, но, к счастью, в запасе оставались блюда, приготовленные к Новому году. Несъеденное хранилось в снежной куче во дворе – нужно было просто выкопать что-нибудь и разогреть. Оставалось еще много булочек с фасолью, так что достаточно было сварить суп или кашу.

Цин Янь как раз размышлял, какой суп лучше приготовить, когда услышал за воротами чужой голос:

- Эй, дома кто-нибудь есть?

Цин Янь быстро накинул на себя первую попавшуюся верхнюю одежду, открыл дверь и направился во двор, на ходу спрашивая:

- Кто там?

Через створку двери ему ответил молодой голос:

- Ши-нян*, это я, ученик из нашей кузницы. Меня зовут Сяо Чжуан.

(ПП: ши-нян - жена учителя)

Цин Янь приоткрыл дверь и увидел пухлого юношу с круглым лицом в теплой ватной одежде. Тот, заметив Цин Яня, неловко улыбнулся, обнажив ряд белоснежных зубов, и с чуть заметным смущением произнес:

- Ши-нян, учитель велел передать, что в уезде есть зажиточная семья, которая заказала большую партию сельскохозяйственных инструментов. Он останется в кузнице на пару дней, чтобы все закончить, и не вернется домой.

Услышав это, Цин Янь немного растерялся. Ему хотелось расспросить, действительно ли в мастерской нужно срочно работать, а еще узнать, с каким выражением лица Цю Хэнянь ушел — не был ли он слишком сердит?

Но задавать такие вопросы ученику было явно неуместно. Поэтому он только кивнул и сказал:

— Хорошо, я понял. Подожди немного, я соберу для него немного одежду на смену, ты передашь их ему.

Сяо Чжуан поспешно кивнул, спрятал руки в рукава и терпеливо стал ждать.

Через некоторое время Цин Янь вышел с узелком, передал его и, немного подумав, добавил:

— Передай своему учителю, что я буду ждать его дома.

Сяо Чжуан согласно кивнул, бережно взял узелок, учтиво попрощался и ушел.

Мальчишка шел по дороге и все размышлял. Учитель ведь только что говорил, что сегодня закроет мастерскую пораньше. А теперь вдруг вызвал его обратно, да еще и перенес работу, запланированную на пятнадцатое число, на сейчас. Хотя он точно помнил, что в этом не было никакой срочности — сдавать все можно было и после окончания зимних праздников. И вот теперь учитель переехал жить в мастерскую.

- Неужели они поссорились? — Сяо Чжуан задумался, вспоминая, как недавно выглядел ши-нян. Покачав головой, он отменил эту мысль. — Да нет, это невозможно. Ши-нян такой красивый и добрый, учитель бы ни за что не захотел с ним ссориться.

Цин Янь, нахмутив брови, возвращался домой. Едва он дошел до калитки, как дверь соседнего дома открылась, и тетушка Ли, махнув ему рукой, позвала:

— Цин Янь, раз далана нет дома, что тебе теперь готовить? Я и так много еды приготовила, иди ко мне поешь.

Сегодня тетюшка Ли приготовила жареную стручковую фасоль с мясной соломкой, горячие пшеничные лепешки, пшеничную кашу и нарезала ароматную колбасу, купленную к Новому году.

Цин Янь не был особо голоден, но тетюшка все время подкладывала ему еду, так что в итоге он съел немало.

За ужином он спросил:

— Тетюшка, а Хэнянь раньше часто жил в мастерской?

Тетя Ли кивнула и ответила:

— Бывало, но нечасто. Железные инструменты для семьи Ли-юаньвая* всегда делаются в его мастерской. Это очень богатая семья, заказывает много, и за один раз. Далану иногда просто не хватает времени, вот он и остается там на несколько дней.

(ПП: юаньвай - землевладелец; помещик, сдающий в аренду землю; лендлорд)

Эти слова немного успокоили Цин Яня. Но в глубине души он понимал: даже если работа срочная, зачем было уходить так поспешно? Можно ведь найти минуту, чтобы объясниться.

После ужина тетя Ли достала засушенные цветочные бутоны, которые она собирала весной и летом, и попросила Цин Яня помочь выбрать из них те, что похуже.

Занявшись делом, Цин Янь почувствовал себя лучше.

— А для чего эти бутоны? — спросил он.

— Хотела сделать благовония, — ответила тетя Ли, — Но это слишком хлопотно и дорого. И вот подумала: а что, если попробовать извлечь аромат из этих бутонов и добавить его в воду? Так можно будет использовать при стирке — и просто, и удобно!

Глаза Цин Яня засветились.

— Да это же настоящая... парфюмерия!

Тетюшка хлопнула в ладоши:

— Точно, парфюмерия! Прекрасное название!

Цин Янь вдруг загорелся идеей:

— А почему только для стирки? Можно же наносить на одежду или даже на тело. Это же будет еще лучше, правда?

Глаза тети Ли тоже вспыхнули от энтузиазма. Они сблизилась, увлеченно обсуждая, как сделать это максимально удобно и эффективно. Когда разговор подошел к концу, Цин Янь неожиданно спросил:

— Тетушка, а вы никогда не думали открыть магазин в городе или уездном центре? Продавать там свои духи, крема, вот это все?

Тетя Ли покачала головой:

— Ой, что ты, я никогда не занималась торговлей. Все это я делаю просто ради забавы, да чтобы самой пользоваться или близким дать. Ни разу не задумывалась о магазине.

Цин Янь задумался на мгновение, а затем сказал:

— Я слышал от Цюнянь, что на пятнадцатый день первого месяца в городе будет Фестиваль фонарей. Улицы будут полны людей, там будет очень оживленно. Сейчас делать духи, конечно, не успеем, но у вас ведь еще много крема. Как вам идея поставить там лоток и попробовать их продать?

Тетя Ли задумалась, но все же покачала головой:

— Ой, что ты. Я же не умею торговать. А если ничего не продам? Получится, что зря сходила, да еще и стыдно будет.

Цин Янь весело улыбнулся:

— Не волнуйтесь! Я пойду с вами, тоже возьму несколько своих мелочей на продажу. Кричать и зазывать я могу сам — у меня это хорошо получается!

Вернувшись домой после визита к тете Ли, Цин Янь был полон энтузиазма. Еще с детства он завидовал соседскому мальчику, родители которого держали небольшой магазинчик. Тогда ему казалось, что тот может сколько угодно лакомиться сладостями из своего магазина. Но теперь, вспоминая, он понимал, что тот мальчик даже не так уж много ел, зато, когда приходили покупатели, становился куда энергичнее и радостнее своих родителей. Выяснилось, что продавать и зарабатывать деньги куда интереснее, чем просто есть сладости.

«Торговать — это ведь правда интересно», — подумал Цин Янь.

Весь вечер он провел за планами: что взять на продажу, как установить цены, как сделать вывеску, и даже прикидывал, сколько мелочи потребуется на сдачу.

Но когда наступила ночь, а тело потребовало отдыха, радостное возбуждение сменилось одиночеством. Лежа в кровати, Цин Янь почувствовал себя по-настоящему одиноким. С тех пор как он попал в этот мир, это была первая ночь, которую он проводил в доме один.

Маленький дом, казалось, стал огромным, пустым и холодным. Цин Янь долго ворочался, прежде чем, наконец, смог уснуть.

Цю Хэнянь, сказавший, что будет ночевать в кузнице всего два дня, действительно не вернулся домой все эти два дня. На третий день, к середине дня, Цин Янь, осознав, что Цю Хэнянь, похоже, не собирается возвращаться, решил больше не ждать.

Он решил пойти в кузницу сам и найти его.

Это был его первый визит в кузницу. Еще издалека он услышал громкие звуки металла — глухие, мощные удары. Эти звуки внушали ощущение силы, пробуждая неведомое чувство уважения.

Цин Янь шел мимо ряда лавок, где продавали маринованное мясо и пышные маньтоу, но аромат еды нисколько его не привлекал.

Двери кузницы были широко открыты, внутри пылало жаркое пламя, искры разлетались во все стороны. Маленький ученик куда-то исчез, и сейчас в мастерской был только один человек — Цю Хэнянь. На нем не было рубашки, лишь штаны, а каждое движение, с которым он ударял по металлу, подчеркивало игру мышц на его обнаженной груди. После нескольких ударов он схватил раскаленный кусок железа длинными щипцами и опустил в воду. С шипением поднялся густой пар, и капли пота скользнули по его мускулистой груди.

Цин Янь сглотнул, шумно выдохнув.

Он остановился на пороге мастерской, но увлеченный работой мужчина его еще не заметил. Только завершив обработку железа, Цю Хэнянь поднял голову и увидел гостя. На мгновение он замер, а затем отложил инструмент и решительно направился к Цин Яню.

Цин Янь почувствовал, как внутри защеколало, и, смущенно покраснев, опустил голову.

Большая рука мягко обхватила его запястье. Голос Цю Хэняня, глубокий и теплый, прозвучал почти как приказ:

— На улице холодно, заходи.

Следуя за легким усилием, Цин Янь вошел в мастерскую. Цю Хэнянь усадил его на деревянную кровать, на которой сам временно спал последние несколько дней, затем набросил на себя рубашку, прибрал инструменты, прикрыл двери и, помыв руки, присел перед ним на корточки. Его взгляд был мягким, голос — заботливым:

— Ты голоден? Хочешь, я схожу куплю булочки с мясом?

Цин Янь сидел, опустив голову, избегая смотреть на него и не отвечая.

Цю Хэнянь не стал настаивать. Он взял свою чашку, налил горячей воды, остудил ее, подул, а потом протянул Цин Яню:

— Здесь жарко, пей воду.

Но Цин Янь не взял чашку и отодвинул свою руку.

Цю Хэнянь снова ничего не сказал, лишь поставил чашку рядом и остался на своем месте, тихо глядя на него.

Через некоторое время ресницы Цин Яня задрожали, и из его красивых глаз, совершенно бесшумно, начали стекать слезы. Одна за другой, они сливались в тонкие струи, заливая его лицо.

Взгляд Цю Хэняня, обычно спокойный, как гладь озера, мгновенно изменился, словно в него бросили камень, разрушив все спокойствие.

Цин Янь заговорил сквозь слезы, голос его дрожал:

— Почему ты не возвращаешься домой? Я тебе надоел? Ты устал от меня?

Он выглядел как ребенок, однажды уже оставленный, напуганный и ранимый, прячущий за слезами свою уязвимость.

Взгляд Цю Хэняня стал мягким, но в нем ясно читались сожаление и вина. Он тихо сказал:

— Все совсем не так, как ты думаешь.

Цин Янь протянул руки, ожидая, что его обнимут, но Цю Хэнянь неожиданно отступил на шаг назад. Эта внезапная отстраненность лишь усилила его рыдания.

— Я грязный, — пояснил Цю Хэнянь. Он потянулся рукой, чтобы вытереть его слезы, но Цин

Янь отвернул голову, избегая прикосновения.

Цю Хэнянь сделал шаг вперед, и на этот раз уже не задумывался о том, что его тело запачкано. Он притянул Цин Яня к себе и крепко обнял.

Цин Янь начал вырываться, но силы оказались неравны. Он не смог освободиться, а сильные руки мужчины нежно, но уверенно удерживали его.

Цю Хэнянь мягко гладил его по затылку, успокаивая:

— Прости. Это моя вина.

Цин Янь, едва сдерживая рыдания, поднял голову из его объятий. Слезы, размывшие его взгляд, блестели на щеках.

— Тогда почему... почему ты вдруг бросил меня и ушел в тот день? — дрожащим голосом спросил он.

Цю Хэнянь взглянул ему в глаза, затем тяжело вздохнул и отвернулся, показывая ему лишь неповрежденную сторону своего лица:

— Ты... ты поступил так, что это могло унижить тебя. А я... я недостоин.

Цин Янь перестал плакать. Его зубы сжались, а взгляд стал твердым.

Молчание повисло в воздухе. Цю Хэнянь, заметив, что Цин Янь долго ничего не говорит, снова повернулся к нему. В этот момент Цин Янь заговорил:

— Ты мне нравишься.

Он произнес каждое слово с абсолютной ясностью и уверенностью.

Ошеломленный Цю Хэнянь застыл на месте.

Цин Янь продолжил, не отводя глаз:

— Я хочу, чтобы ты обнимал меня, целовал, чтобы я мог касаться твоего тела...

Он осмелился бы сказать еще больше, но внезапно его губы накрыла большая ладонь Цю Хэняня.

Цин Янь попытался убрать эту руку, но она исчезла сама.

Цю Хэнянь убрал руку и выпрямился. Сделав несколько шагов, он подошел к двери мастерской, плотно закрыл ее и задвинул засов.

Вернувшись к Цин Яню, он остановился перед ним. Свет от кузнечного горна играл за его спиной, отбрасывая тени, которые подчеркивали силуэт его тела, словно изваяние древнего бога войны.

Цин Янь не мог различить выражения его лица, скрытого в полутьме, но его голос звучал отчетливо:

—Хорошо, теперь ты можешь продолжать.

<http://bllate.org/book/13590/1205183>